

**Международный пакт
о гражданских и политических
правах**

Distr.: Restricted*
21 April 2011
Russian
Original: English

Комитет по правам человека

Сто первая сессия

14 марта – 1 апреля 2011 года

Соображения

Сообщение № 1470/2006

<i>Представлено:</i>	Нурбеком Токтакуновым (не представлен адвокатом)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	автор сообщения
<i>Государство-участник:</i>	Кыргызстан
<i>Дата сообщения:</i>	12 апреля 2006 года (первоначальное представление)
<i>Справочная документация:</i>	решение Специального докладчика в соответствии с правилом 97, препровожденное государству-участнику 9 мая 2006 года (в виде документа не издавалось)
<i>Дата принятия Соображений:</i>	28 марта 2011 года
<i>Тема сообщения:</i>	отказ в доступе к имеющейся у государства информации, которая представляет общественный интерес
<i>Вопросы существа:</i>	право искать и получать информацию; эффективное средство правовой защиты; доступ к суду; право на справедливое разбирательство независимым и беспристрастным судом
<i>Процедурные вопросы:</i>	уровень обоснованности утверждений

* Публикуется по решению Комитета по правам человека.

<i>Статьи Пакта:</i>	статья 2, рассматриваемая совместно с пунктом 1 статьи 14; пункт 2 статьи 19
<i>Статья Факультативного протокола:</i>	статья 2

28 марта 2011 года Комитет по правам человека принял прилагаемый текст в качестве Соображений Комитета в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола в отношении сообщения № 1470/2006.

[Приложение]

Приложение

Соображения Комитета по правам человека в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах (сто первая сессия)

относительно

Сообщения № 1470/2006**

<i>Представлено:</i>	Нурбеком Токтакуновым (не представлен адвокатом)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	автор сообщения
<i>Государство-участник:</i>	Кыргызстан
<i>Дата сообщения:</i>	12 апреля 2006 года (первоначальное представление)

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании 28 марта 2011 года,

завершив рассмотрение сообщения № 1470/2006, представленного Комитету по правам человека г-ном Нурбеком Токтакуновым в соответствии с Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах,

приняв во внимание всю письменную информацию, представленную ему автором сообщения и государством-участником,

принимает следующее:

Соображения в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола

1. Автором сообщения является гражданин Кыргызстана 1970 года рождения г-н Нурбек Токтакунов. Он утверждает, что является жертвой нарушения Кыргызстаном своих прав, предусмотренных статьей 2, рассматриваемой в совокупности с пунктом 1 статьи 14; и пунктом 2 статьи 19 Международного пакта о гражданских и политических правах. Факультативный протокол вступил в

** В рассмотрении настоящего сообщения принимали участие следующие члены Комитета: г-н Лазари Бузид, г-жа Кристина Шане, г-н Корнелис Флинтерман, г-н Юдзи Ивасава, г-жа Элен Келлер, г-жа Зонке Занеле Майодина, г-жа Юлия Моток, г-н Джералд Л. Нойман, г-н Майкл О'Флаэрти, г-н Рафаэль Ривас Посада, сэр Найджел Родли, г-н Фабиан Омар Сальвиоли, г-н Кристер Телин и г-жа Марго Ватервал.

Особое мнение члена Комитета г-на Джералда Л. Ноймана прилагается к тексту настоящих Соображений.

силу для государства-участника 7 января 1995 года. Автор не представлен адвокатом.

Факты в изложении автора

2.1 3 марта 2004 года общественное объединение "Молодежная правозащитная группа" (МПЗГ), юридическим консультантом которой является автор, обратилось в Главное управление исполнения наказаний (ГУИН) Министерства юстиции (МЮ) с просьбой предоставить информацию по состоянию на 31 декабря 2003 года о количестве лиц, приговоренных в Кыргызстане к смертной казни, а также о количестве лиц, приговоренных к смертной казни и содержащихся в учреждениях пенитенциарной системы. Этот запрос был сделан в соответствии со статьей 17.8 Документа Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (29 июня 1990 года) (Документ Копенгагенского совещания), согласно которой участвующие государства согласились сообщать общественности информацию в отношении применения смертной казни. 5 апреля 2004 года ГУИН отказало в предоставлении этой информации, поскольку в соответствии с подзаконными актами Кыргызстана она отнесена к категории "секретной" и "совершенно секретной".

2.2 26 июня 2004 года автор обратился в МЮ с жалобой, в которой он оспаривал отказ ГУИН в предоставлении информации со ссылкой на статью 5 Закона "О защите государственных секретов" от 14 апреля 1994 года. Согласно положениям этой статьи "секретной" и "совершенно секретной" является информация, относящаяся к государственной, военной и служебной тайнам:

"[...] К государственной тайне относится информация, разглашение которой может повлечь тяжкие последствия для обороноспособности, безопасности, экономических и политических интересов Кыргызской Республики.

Информации, составляющей государственную тайну, присваиваются ограничительные грифы "особо важная" и "совершенно секретно".

Военную тайну образуют сведения военного характера, разглашение которых может нанести ущерб Вооруженным Силам и интересам Кыргызской Республики.

Информации, составляющей военную тайну, присваиваются ограничительные грифы "совершенно секретно" и "секретно".

К служебной тайне относится информация, разглашение которой может оказать отрицательное воздействие на обороноспособность, безопасность, экономические и политические интересы Кыргызской Республики. Такая информация имеет характер отдельных сведений, относящихся к государственной или военной тайне, и не раскрывает их полностью.

Информации, составляющей служебную тайну, присваивается ограничительный гриф "секретно" [...].

2.3 Автор заявил, что информация в отношении лиц, приговоренных к смертной казни, имеет отношение к правам человека и основным свободам и что ее раскрытие не может повлечь за собой негативных последствий для обороноспособности, безопасности или экономических и политических интересов государ

ства. Таким образом, эта информация не соответствует критериям статьи 5 Закона "О защите государственных секретов" и не может быть отнесена к государственной тайне. Далее автор сослался на резолюции № 2003/67 и 2004/60 Комиссии по правам человека по вопросу о смертной казни, в которых содержится призыв ко всем государствам, сохраняющим институт смертной казни, предоставлять общественности информацию о вынесении смертных приговоров и любых назначенных казнях¹. В заключение он сослался на статью 17.8 Документа Копенгагенского совещания (см. пункт 2.1 выше) и отметил, что согласно статье 10.1 этого Документа участвующие государства согласились "уважать право каждого самостоятельно или совместно с другими запрашивать, получать и передавать свободные мнения и информацию о правах человека и основных свободах". Жалоба автора от 26 июня 2004 года в неуказанный день была передана МЮ в ГУИН для принятия мер.

2.4 9 сентября 2004 года ГУИН подтвердило свою ранее заявленную позицию. 7 декабря 2004 года автор подал в Бишкекский межрайонный суд жалобу на нарушение своего права искать и получать информацию, сославшись на пункт 2 статьи 19 Пакта. В своей жалобе автор утверждал, что запрашивал информацию от имени общественного объединения, а также от своего имени как гражданин Кыргызстана. Он выразил сомнение в отношении соответствия подзаконных актов об объявлении тайной информации о количестве лиц, приговоренных к смертной казни, пункту 9 статьи 16 Конституции и Закону "О гарантиях и свободе доступа к информации" от 5 декабря 1997 года. Согласно статье 3 этого Закона ограничения в доступе и распространении информации устанавливаются только законом. Ссылаясь на статьи 262–266 Гражданско-процессуального кодекса, автор просил Бишкекский межрайонный суд дать МЮ поручение предоставить ему запрашиваемую информацию и привести подзаконные и другие нормативные акты, принятые ГУИН, в соответствии с законами Кыргызской Республики.

2.5 17 декабря 2004 года Бишкекский межрайонный суд отклонил жалобу автора на том основании, что данный вопрос не относится к его юрисдикции, связанной с вынесением решений по гражданским делам. 25 декабря 2004 года автор подал в Бишкекский городской суд обжалование на решение Бишкекского межрайонного суда. Помимо повторного заявления о своем праве искать и получать информацию, он сослался на статью 262 Гражданско-процессуального кодекса, которой предусмотрено право на оспаривание в суде действий/бездействия государственного органа или государственного должностного лица в случае, если у истца есть основания полагать, что его или ее права и свободы были нарушены. В частности, автор обжаловал бездействие МЮ, поскольку оно не обязало ГУИН предоставить ему запрашиваемую информацию и привести подзаконные и другие нормативные акты в соответствии с законами Кыргызстана. Автор также заявил, что он не мог непосредственно оспорить соответствие этих нормативных актов законам Кыргызстана, поскольку в соответствии с пунктом 5 статьи 267 Гражданско-процессуального кодекса истец обязан представить копию оспариваемого нормативного акта, что невозможно в силу секретности соответствующих подзаконных актов.

¹ См. пункт 5 с) резолюции № 2003/67; см. также резолюцию № 2004/60 Комиссии по правам человека по вопросу о смертной казни.

2.6 24 января 2005 года Бишкекский городской суд поддержал решение Бишкекского межрайонного суда на том основании, что информация о лицах, приговоренных к смертной казни, была засекречена Министерством внутренних дел, и доступ к такой информации ограничен. Таким образом действия МЮ в связи с отказом предоставить информацию не могут быть обжалованы в рамках административных и гражданских разбирательств. Согласно статье 341 Гражданско-процессуального кодекса решение апелляционного суда, принятое в отношении обжалования предыдущего судебного решения, является окончательным и пересмотру не подлежит.

2.7 Повторный запрос автора от 7 июня 2005 года о предоставлении информации о лицах, приговоренных к смертной казни, был вновь отклонен МЮ 27 июня 2005 года. МЮ сослалось на статью 1 Закона "О защите государственных секретов", согласно которой информация является государственной тайной в случае, если она является "подконтрольной государству и ограничиваемой специальными перечнями и правилами, разработанными на основе и во исполнение Конституции Кыргызской Республики". Кроме того, МЮ пояснило, что в соответствии с положениями Постановления правительства № 267/9 от 7 июля 1995 года "Об утверждении Перечня главнейших сведений, составляющих государственную тайну, и Положения о порядке определения степени секретности сведений, содержащихся в работах, документах и изделиях" (сам этот документ также был отнесен к категории "совершенно секретных") Министерством внутренних дел было издано внутреннее секретное распоряжение «"Об утверждении Перечня данных в рамках системы Министерства внутренних дел, которые подлежат отнесению к категории "секретных"». Это распоряжение было одобрено Национальной службой безопасности.

2.8 Кроме того, МЮ пояснило, что в соответствии с вышеупомянутым секретным распоряжением Министерства внутренних дел любая информация о количестве лиц, приговоренных к высшей мере наказания, отнесена к категории "совершенно секретной". В соответствии с Постановлением правительства № 391 от 20 июня 2002 года пенитенциарная система была передана из ведения Министерства внутренних дел в ведение Министерства юстиции. В этой связи распоряжение Министерства внутренних дел действовало и для МЮ в течение всего времени, пока по этому вопросу не было подготовлено и издано распоряжение МЮ. МЮ также заявило, что в этот период времени МЮ занималось разработкой целого ряда новых подзаконных актов, относящихся к пенитенциарной системе, к числу которых также относился перечень данных в рамках системы ГУИН МЮ, которые подлежат засекречиванию. Ожидалось, что этот новый перечень будет одобрен позднее соответствующими государственными органами. На этом основании МЮ сделало вывод о том, что отказ в предоставлении информации о количестве лиц, приговоренных к смертной казни, был оправданным и соответствовал действовавшему законодательству.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что отказ властей предоставить МПЗГ информацию о количестве лиц, приговоренных к смертной казни, также затронул и его лично как члена указанного общественного объединения и привел к ограничению его индивидуального права на доступ к информации. Кроме того, в своей жалобе, поданной в Бишкекский межрайонный суд 7 декабря 2004 года, он отдельно заявил о своей заинтересованности в запрашиваемой информации в качестве не только члена общественного объединения, но и гражданина. Автор утверждает, что, отказав ему в доступе к информации, представляющей общественный интерес, государство-участник нарушило его право искать и получать информа-

цию, которое гарантировано пунктом 2 статьи 19 Пакта. В отношении доводов, выдвинутых автором в ходе разбирательства на национальном уровне (см. пункты 2.3–2.4 выше), автор утверждает, что ограничение его права искать и получать информацию является необоснованным в соответствии с пунктом 3 статьи 19 Пакта, поскольку отнесение информации о количестве лиц, приговоренных к смертной казни, к категории "секретной", не предусмотрено законами Кыргызской Республики и не является необходимым. Автор также отмечает, что сами подзаконные акты, регулирующие порядок доступа к информации такого типа, также отнесены к категории секретных и по этой причине не могут быть оспорены в судах.

3.2 Кроме того, автор утверждает, что, не предоставив ему эффективных средств судебной защиты от нарушения его права на доступ к информации, власти государства-участника также нарушили его права, закрепленные в статье 2, рассматриваемой совместно с пунктом 1 статьи 14 Пакта.

Замечания государства-участника по существу

4.1 26 июля 2006 года государство-участник сообщило о том, что согласно информации, представленной ГУИН МЮ, данные общего характера о показателях смертности в пенитенциарной системе, а также данные о лицах, приговоренных к смертной казни, были рассекречены, и в соответствии с подзаконными актами в настоящее время они могут использоваться только "для служебных целей". Эта информация по-прежнему является секретной для средств массовой информации.

4.2 Государство-участник представило Комитету следующие статистические данные, источником которых является ГУИН: а) по состоянию на 20 июня 2006 года к смертной казни были приговорены 164 человека; б) 16 человек были приговорены к смертной казни в 2003 году, 23 человека – в 2004 году, 20 человек – в 2005 году и 6 человек – в 2006 году; и с) 309 человек умерли в период нахождения в пенитенциарной системе в 2003 году, 233 человека – в 2004 году, 246 человек – в 2005 году и 122 человека – в 2006 году.

Комментарии автора сообщения, касающиеся замечаний государства-участника

5.1 25 сентября 2006 года автор представил свои комментарии, касающиеся замечаний государства-участника. Автор ссылается на правило 97 правил процедуры Комитета и отмечает, что государство-участник обязано представить свои замечания в отношении приемлемости и по существу его сообщения. Однако оно ограничилось направлением Комитету крайне противоречивой информации, представленной ГУИН МЮ.

5.2 Автор утверждает, что данные о количестве лиц, приговоренных к смертной казни, не могут рассматриваться в качестве рассекреченных до тех пор, пока не будут сняты ограничения, установленные подзаконными актами на доступ к таким данным для широкой общественности и средств массовой информации. Он сообщает, что в соответствии со статьей 9 Закона "О защите государственных секретов" решения о рассекречивании информации принимаются правительством по представлению заинтересованных государственных органов. Автор утверждает, что в базе данных, касающихся принятых в Кыргызстане нормативных документов, нет какой-либо информации о принятии правительством таких решений. Кроме того, он отмечает, что в своих замечаниях от 26 июля 2006 года государство-участник также не представило никаких сведений о таких решениях, которые позволили бы Комитету идентифицировать их. Автор

делает вывод о том, что либо ГУИН представляет Комитету недостоверную информацию, либо оно преднамеренно пытается запутать ситуацию.

5.3 Автор заявляет, что государство-участник не дало ответа на его утверждения в отношении того, что: а) информация о количестве лиц, приговоренных к смертной казни, относится к правам человека и основным свободам и не может каким-либо образом негативно повлиять на обороноспособность, безопасность или экономические и политические интересы Кыргызстана и по этой причине не должна засекречиваться; б) ему не были предоставлены эффективные средства судебной защиты для борьбы с нарушением права на доступ к имеющейся у государства информации и, отказав ему в судебной защите, государство-участник ограничило его доступ к правосудию.

5.4 Автор делает вывод о том, что, не опровергнув ни одного из его утверждений, государство-участник фактически согласилось с ними. Он также отмечает, что, лишь представив Комитету статистические данные о количестве лиц, приговоренных к смертной казни, государство-участник не предоставило ему эффективных средств правовой защиты, поскольку подзаконные акты, в соответствии с которыми эти данные засекречены, по-прежнему остаются в силе, а его право на доступ к правосудию не было обеспечено.

Вопросы и процедуры их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопросов о приемлемости

6.1 Прежде чем рассматривать любые утверждения, содержащиеся в каком-либо сообщении, Комитет по правам человека должен согласно правилу 93 своих правил процедуры принять решение о том, является ли сообщение приемлемым в соответствии с Факультативным протоколом к Пакту.

6.2 Комитет установил, как того требует пункт 2 а) статьи 5 Факультативного протокола, что этот вопрос не рассматривается в соответствии с какой-либо другой процедурой международного разбирательства или урегулирования. В отсутствие каких-либо возражений со стороны государства-участника Комитет считает, что требования пункта 2 б) статьи 5 Факультативного протокола были удовлетворены.

6.3 Что касается *locus standi* автора в соответствии со статьей 1 Факультативного протокола, то Комитет отмечает, что запрашиваемая им конкретная информация, т.е. информация о количестве лиц, приговоренных в Кыргызстане к смертной казни, рассматривается как представляющая общественный интерес в резолюциях Комиссии по правам человека 2003/67 и 2004/60 по вопросу о смертной казни, а также в Документе Копенгагенского совещания, который был подписан государством-участником². В этой связи Комитет отмечает, что Документом Копенгагенского совещания установлено особое обязательство властей представлять информацию о применении смертной казни и что это обязательство было принято государством-участником. Он также отмечает, что все судебные приговоры, выносимые по уголовным делам, включая приговоры к смертной казни, имеют публичный характер. Кроме того, Комитет отмечает, что указание на право "искать" и "получать" "информацию", содержащееся в пункте 2 статьи 19 Пакта, включает в себя право отдельных лиц получать имеющуюся в распоряжении государства информацию за исключениями, допускаемыми ограничениями, установленными Пактом. Он отмечает, что предоставление информации не требует доказывания прямой заинтересованности или личной потреб-

² Статья 17.8 Документа Копенгагенского совещания (см. пункт 2.1 выше).

ности в ее получении, за исключением случаев, когда в этой связи применимы законные ограничения. Комитет также ссылается на свою позицию в отношении печати и средств массовой информации, которая предусматривает право для субъектов средств массовой информации получать доступ к информации, касающейся государственных вопросов³, и право широкой общественности получать продукцию средств массовой информации⁴. Кроме того, он отмечает, что к числу функций печатных изданий и средств массовой информации относится создание форумов для общественного обсуждения и формирования общественных или в данном случае индивидуальных мнений по вопросам, представляющим законный общественный интерес, в частности в отношении применения смертной казни. Комитет считает, что выполнение этих функций не ограничивается средствами массовой информации или профессиональными журналистами и что они могут осуществляться, например, общественными объединениями или частными лицами. Ссылаясь на выводы в отношении сообщения *С.Б. против Кыргызстана*⁵, Комитет также отмечает, что автор в данном случае является юридическим консультантом правозащитного общественного объединения и что в этом случае он может рассматриваться в качестве лица, выполняющего особые "контрольные" функции в вопросах, имеющих общественный интерес. В свете приведенных выше соображений Комитет считает, что в рассматриваемом сообщении с учетом особого характера запрашиваемой информации автор обосновал для целей приемлемости факт того, что, будучи отдельным представителем общественности, он был непосредственно затронут отказом властей государства-участника предоставить ему по запросу информацию о применении смертной казни.

6.4 Комитет также отметил утверждение автора о нарушении его прав по статье 2, рассматриваемой в совокупности с пунктом 1 статьи 14 Пакта. Однако он считает, что автор не обосновал в достаточной степени свои утверждения для целей приемлемости. Таким образом, эта часть сообщения является неприемлемой в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола.

6.5 Комитет также считает, что остальные утверждения автора со ссылкой на пункт 2 статьи 19, учитывая то, что ему было отказано в доступе к информации, представляющей общественный интерес, являются достаточно обоснованными для целей приемлемости, и объявляет эту часть сообщения приемлемой.

Рассмотрение сообщения по существу

7.1 Комитет по правам человека рассмотрел настоящее сообщение с учетом всей информации, представленной ему сторонами, как это предусмотрено пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола.

7.2 Комитет отмечает, что в своем представлении по поводу утверждений автора государство-участник не прокомментировало какие-либо доводы, выдвинутые автором в его направленном Комитету сообщении в отношении пункта 2 статьи 19 Пакта. Государство лишь заявило, что "данные о лицах, приговоренных к смертной казни, были рассекречены" и что "в соответствии с подзаконными актами в настоящее время они могут использоваться только для служебных целей", но остаются секретными для средств массовой информации. В отсутствие какой-либо другой существенной информации от государства

³ Сообщение № 633/1995, *Готье против Канады*, Соображения, принятые 7 апреля 1999 года, пункт 13.4.

⁴ Сообщение № 1334/2004, *Мавлонов и Сайди против Узбекистана*, Соображения, принятые 19 марта 2009 года, пункт 8.4.

⁵ Сообщение № 1877/2009, решение о неприемлемости, принятое 30 июля 2009 года.

участника следует придать должное значение утверждениям автора в той мере, в какой они надлежащим образом обоснованы.

7.3 В отношении статьи 19 автор утверждает, что отказ властей государства-участника предоставить ему информацию о количестве лиц, приговоренных к смертной казни, привел к нарушению его права искать и получать информацию, которое гарантировано пунктом 2 статьи 19 Пакта. Он, в частности, утверждает, что отнесение информации о количестве лиц, приговоренных к смертной казни, к категории "секретной" не предусмотрено законом и не является необходимым для достижения какой-либо законной цели по смыслу пункта 3 статьи 19. В этой связи первым вопросом, который должен рассмотреть Комитет, является вопрос о том, обусловливает ли право отдельного лица получать находящуюся у государства информацию, гарантируемое пунктом 2 статьи 19 Пакта, сопутствующее обязательство государства предоставлять ее, с тем чтобы это лицо могло иметь доступ к такой информации или получить ответ с обоснованием допустимости для государства по любым причинам, разрешаемым Пактом, ограничивать доступ к информации в каком-либо конкретном случае.

7.4 В этой связи Комитет ссылается на свою позицию в отношении свободы печати и средств массовой информации, согласно которой право на доступ к информации включает в себя право средств массовой информации получать доступ к информации по государственным вопросам⁶ и право широкой общественности на получение продукции средств массовой информации⁷. Комитет считает, что выполнение этих функций не ограничивается средствами массовой информации или профессиональными журналистами и что они также могут осуществляться общественными объединениями или частными лицами (см. пункт 6.3). При исполнении таких "контрольных" функций в вопросах, представляющих законный общественный интерес, объединениям или частным лицам необходим доступ к имеющейся у государства информации, как это имеет место в рассматриваемом случае, поэтому такие запросы о предоставлении информации должны пользоваться защитой Пакта, аналогичной защите, предусмотренной для средств массовой информации. Предоставление информации частному лицу может в свою очередь создать возможность для ее распространения в обществе, благодаря чему общество может ознакомиться с ней и получить доступ к ней, а также оценить ее. Таким образом, право на свободу мысли и выражения мнений включает защиту права на доступ к имеющейся у государства информации, у которого также имеется два очевидных аспекта, а именно индивидуальный и общественный аспекты права на свободу мысли и выражения мнений, которые должны одновременно гарантироваться государством. В этих обстоятельствах Комитет считает, что государство-участник обязано либо предоставить автору запрашиваемую информацию, либо обосновать любые ограничения права получать имеющуюся у государства информацию в соответствии с пунктом 3 статьи 19 Пакта.

7.5 В этой связи следующий вопрос, который должен рассмотреть Комитет, заключается в том, обоснованы ли в рассматриваемом случае такие ограничения в соответствии с пунктом 3 статьи 19 Пакта, допускающим некоторые ограничения, устанавливаемые законом и являющиеся необходимыми: а) для уважения прав и репутации других лиц; и б) для охраны государственной безопас-

⁶ Сообщение № 633/1995, *Готье против Канады*, Соображения, принятые 7 апреля 1999 года, пункт 13.4.

⁷ Сообщение № 1334/2004, *Мавлонов и Сайди против Узбекистана*, Соображения, принятые 19 марта 2009 года, пункт 8.4.

ности, общественного порядка (*ordre public*), здоровья или нравственности населения.

7.6 Комитет отмечает довод автора, подтверждаемый материалами, содержащимися в деле, согласно которому подзаконные акты, регулирующие доступ к запрашиваемой им информации, отнесены к категории секретных и по этой причине недоступны для него как отдельного представителя широкой общественности и юридического консультанта правозащитного общественного объединения. Он также отмечает утверждение государства-участника о том, что "данные о лицах, приговоренных к смертной казни, были рассекречены" и что "в соответствии с подзаконными актами в настоящее время они могут использоваться только для служебных целей", но остаются секретными для средств массовой информации. Комитет считает, что в этих обстоятельствах правила, регулирующие доступ к информации о смертных приговорах, вынесенных в государстве-участнике, не могут рассматриваться в качестве "закона", отвечающего критериям, определенным в пункте 3 статьи 19 Пакта.

7.7 Комитет принял к сведению утверждение автора о том, что информация о количестве лиц, приговоренных к смертной казни, не могла бы оказать какое-либо негативное воздействие на обороноспособность или экономические и политические интересы Кыргызстана, и по этой причине эта информация не соответствует критериям, определенным в Законе "О защите государственных секретов", допускающем отнесение информации к категории государственной тайны. Комитет сожалеет по поводу отсутствия ответа со стороны властей государства-участника на этот конкретный довод, приведенный автором как на национальном уровне, так и в его сообщении Комитету. Комитет вновь заявляет о своей позиции, изложенной в резолюциях 2003/67 и 2004/60 Комиссии по правам человека и в Документе Копенгагенского совещания (см. пункт 6.3 выше), согласно которой широкая общественность имеет законную заинтересованность в доступе к информации о применении смертной казни, и приходит к выводу о том, что в отсутствие соответствующих разъяснений со стороны государства-участника ограничения на пользование автором сообщения правом на доступ к имеющейся у государственных органов информации о применении смертной казни не могут считаться необходимыми для охраны государственной безопасности или общественного порядка (*ordre public*), здоровья или нравственности населения либо уважения прав и репутации других лиц.

7.8 В связи с этим Комитет приходит к выводу о том, что в данном случае права автора, предусмотренные в пункте 2 статьи 19 Пакта, были нарушены в силу причин, изложенных в пунктах 7.6 и 7.7 выше.

8. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, считает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении государством-участником пункта 2 статьи 19.

9. В соответствии с пунктом 3 а) статьи 2 Пакта государство-участник обязано предоставить автору эффективное средство правовой защиты. Комитет считает, что в рассматриваемом случае информация, которая была представлена государством-участником в пункте 4.2 выше, является для автора таким средством защиты. Государству-участнику также следует принять все необходимые меры в целях недопущения аналогичных нарушений в будущем и обеспечения доступности информации о смертных приговорах, выносимых в Кыргызстане.

10. Учитывая тот факт, что, присоединившись к Факультативному протоколу, государство-участник признало компетенцию Комитета определять наличие

или отсутствие нарушений Пакта и что согласно статье 2 Пакта государство-участник обязалось обеспечивать всем лицам, находящимся в пределах его территории или под его юрисдикцией права, признаваемые в Пакте, и предоставлять им эффективные и имеющие исковую силу средства правовой защиты в случае установления факта нарушения, Комитет хотел бы получить от государства-участника в течение 180 дней информацию о мерах, принятых с целью выполнения сформулированных Комитетом Соображений. Кроме того, Комитет просит государство-участник опубликовать Соображения Комитета.

[Принято на английском, французском и испанском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии будет издано также на арабском, китайском и русском языках в качестве части ежегодного доклада Комитета Генеральной Ассамблее.]

Добавление

Особое мнение члена Комитета г-на Джералда Л. Ноймана (совпадающее)

Выражаю согласие с Комитетом по вопросу о том, что государство-участник нарушило права автора, предусмотренные пунктом 2 статьи 19, в отношении запрошенной информации. Вместе с тем я бы предпочел изложить этот вывод несколько иным образом.

При рассмотрении сообщения *Готье против Канады* Комитет пришел к выводу о том, что отказ журналисту в доступе к материалам и техническим средствам, предоставляемым прессе в здании парламента, явился нарушением его права искать, получать и распространять информацию в соответствии с пунктом 2 статьи 19. Комитет отметил, что право принимать участие в ведении государственных дел, защищаемое статьей 25, рассматриваемой совместно со статьей 19, означает, "что граждане, в частности через средства массовой информации, должны иметь широкий доступа к информации и возможность распространять информацию и мнения о деятельности выборных органов и их членов"⁸. Вместе с тем Комитет признал, "что такой доступ не должен мешать или препятствовать осуществлению функций выборных органов и что государство-участник, следовательно, имеет право ограничивать доступ" в той мере, в какой ограничения доступа совместимы с положениями Пакта⁹. В ответ на довод Канады о необходимости достижения баланса между необходимостью соблюдения права на доступ и необходимостью "обеспечения эффективности и достоинства в деятельности парламента, а также обеспечения охраны и безопасности его членов" Комитет выразил согласие с тем, что "защита парламентской процедуры может быть признана законным основанием для целей обеспечения общественного порядка" по смыслу пункта 3 статьи 19¹⁰. Однако вводимые с этой целью ограничения должны быть "необходимыми и соразмерными с указанной целью, а не произвольными"¹¹. Критерии доступа "должны быть конкретными, справедливыми и оправданными, а их применение должно быть прозрачным"¹². Ограничения, указанные в сообщении *Готье*, не соответствовали этому требованию, как и ограничения, о которых идет речь в рассматриваемом сообщении.

В пункте 7.4 настоящих Соображений Комитет отмечает, что "право на доступ к информации включает в себя право средств массовой информации получать доступ к информации по государственным вопросам и право широкой общественности на получение продукции средств массовой информации". Не возражая против этой формулировки, хотел бы добавить, что право журналистов на доступ к информации, имеющейся у правительства, и право широкой общественности читать напечатанную в газетах информацию имеют, согласно Пакту, разные правовые основания.

⁸ Сообщение № 633/1995, *Готье против Канады*, Соображения, принятые 7 апреля 1999 года, пункт 13.4.

⁹ *Готье против Канады* (сноска 1 выше), пункт 13.4.

¹⁰ *Готье против Канады* (сноска 1 выше), пункт 13.6.

¹¹ *Готье против Канады* (сноска 1 выше), пункт 13.6.

¹² *Готье против Канады* (сноска 1 выше), пункт 13.6.

Полагаю, что право на доступ к информации, имеющейся у правительства, вытекает из толкования статьи 19 в свете права на участие в политической жизни, гарантируемого статьей 25, и других прав, признаваемых в Пакте. Оно не вытекает из простого применения содержащихся в пункте 2 статьи 19 слов "право... получать информацию", как если бы эта формулировка относилась к прямо указанному праву получать всю имеющуюся информацию.

Основная парадигма права на свободу выражения мнений в соответствии с пунктом 2 статьи 19 заключается в праве на общение между лицом, желающим высказаться, и лицом, желающим выслушать. Статья 19 обеспечивает эффективную (хотя и не абсолютную) защиту права отдельных лиц на свободное распространение информации и выражение идей и соответствующее право добровольно искать и получать сообщения. Слишком часто это основное право нарушается усилиями правительств, направленными на сокрытие нежелательной истины и нетрадиционных идей. В некоторых случаях правительства прибегают к такому сокрытию напрямую, блокируя сообщения, передаваемые с помощью старых или новых технологий. В некоторых случаях они наказывают граждан, обладающих запрещенными текстами или получающих запрещенные сообщения. Статья 19 защищает право индивидуумов читать письменные произведения даже в случаях, когда автор произведения находится за пределами юрисдикции государства-участника, включая авторов, которые проживают в других государствах¹³. Это одна из причин, по которой в Пакте, как и во Всеобщей декларации прав человека, непосредственно указано право "искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи... независимо от государственных границ" [...].

Традиционное право получать информацию и идеи от лица, желающего высказаться, не следует размывать путем включения его в новое право на доступ к информации, находящейся у правительства. В связи с этой современной формой "свободы информации" возникают сложности и проблемы, которые могут служить оправданием ограничений на осуществление этого права по таким соображениям, как связанные с осуществлением государственных функций расходы или причинение им ущерба, выдвигаемым в обстоятельствах, когда сокрытие аналогичного добровольного сообщения являлось бы необоснованным. При разъяснении и применении права на доступ важно проводить это различие и делать все, чтобы не подрывать более важные аспекты свободы выражения мнений.

[подпись]

г-н Джералд Л. Нойман

[Составлено на английском, французском и испанском языках, при этом языком оригинала является английский. Впоследствии будет издано также на арабском, китайском и русском языках в качестве части ежегодного доклада Комитета Генеральной Ассамблеи.]

¹³ Оно также включает в себя право читать произведения авторов, которых уже нет в живых.